

Морозова О. М. «Другие черещур дюже много широко живут»: Конструктивные элементы большого террора. О. М. Морозова // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск: БГУ, 2009. — С.136-144

О. М. Морозова

«ДРУГИЕ ЧЕРЕЩУР ДЮЖЕ МНОГО ШИРОКО ЖИВУТ»: КОНСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА *

Причины сталинского террора традиционно ищут в плоскости обстоятельств внутривластной борьбы и на уровне идеологических предпосылок [1; 2; 8]. Но обоснование массовых репрессий стоит поискать и в массовых настроениях 1920-х гг. Причем речь идет не о последствиях оборонного психоза, спровоцированного властями, о чем писал В. П. Данилов [5; 6], а о самопроизвольных, глубинных явлениях, которые можно было бы обозначить как реакцию массового подсознания на внешние негативные раздражители. Проявления, динамика и мотивы поведения, вполне достойного называться массовой социальной паранойей, можно выявить на основании писем бывших бойцов Красной армии, направляемых ими в Северокавказскую комиссию по оказанию помощи бывшим партизанам и демобилизованным красноармейцам на имя члена комиссии их бывшего командира Д. П. Жлобы. Эти документы относятся к периоду 1925—1932 гг., непосредственно примыкающему к эпохе Большого террора. Первое впечатление от этого массива документов состоит в мощном импульсе недовольства, источаемом со страниц писем. Примечательно, что их авторы предлагали властям план действий, способный, по их мнению, исправить положение дел в стране.

«Мы оказались ничтожными людьми...». Положение бойцов революции в первые годы, которые принято считать мирными — бедственное. Вот наиболее потрясающие факты из писем. В 1926 г. бывший партизан служит в таганрогском Горводопроводе, получает 44 руб. В день написания письма у него умерла дочь, простудившись в школе, так как у нее не было теплой одежды. Он просит дать денег в долг, чтобы купить пальто для других детей, сообщает, что всегда своевременно возвращал кредиты. Милиционер В. И. Земляной получает 15 руб. в мес., отдает за стол 12 руб. Трудно представить, что он может получать из продуктов, если цены таковы: пуд муки — 30 руб., мясо — 120—160 руб. Корреспондент пишет в 1928 г., что от нищеты уже готов пойти на преступление [11, с. 213, 236; 16, с. 92, 94, 392].

Проблемы в городе проистекали от безработицы, а в деревне — от высокого налога на хозяйство. Для уплаты сельхозналога даже продавали дома. «Батраком родился и сейчас батраком работаю», — написал оставшийся без крова ветеран [13, с. 51]. Многих неплательщиков осуждали на принудительные работы. Таким был Захар Шуликин, казак ст. Гиагинской. Пока он отбывал наказание, его хозяйство совсем развалилось. Сильно разочарованный, он писал: «Все смеются казаки, а чиво ты добился с советской власти, когда бегал в Красной армии, голоду и холоду» (1927) [10, с. 4, 63]. Другой бывший партизан Г. И. Погрибиченко, 40 лет, в 1926 г. имея большие проблемы в хозяйстве, долги по налогам, мечтал: «...Вон так бы война [,] то от такой хозяйств сыл бы на коня и вехал чтоб глаза ни гледили» [16, с. 89 об.].

В городе голоднее, но безопаснее. Демобилизованные мыкаются между биржей труда и проходными заводами в надежде найти работу, но шансы невелики — идут встречные сокращения. В этих условиях особое значение приобретает подтверждение боевого большевист-

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда — грант № 08-01-00465а «Гражданская война: взгляд из окопа».

ского прошлого. В 1925 г. бывшие красноармейцы получили преимущества при приеме на работу и в случае сокращения штатов [10, с. 563]. Роль этих бумаг прямо указана в текстах: «...Просим [,] чтобы вы нам прислали Атистат или удостоверение портизанския [,] чтобы нам можно было поступить на работу [,] и чтобы нас нисократили как зря или попростому [,] если моя рожа никрасива...» [11; 300]. Ужесточение конкуренции на рынке труда приобрело оттенок классовой борьбы. Следующий документ ясно отражает исходную точку для поиска врага — соперничество и зависть в тяжелейших условиях послевоенной разрухи: «.Мы, 3 человека... находимся на железной дороге без мест и знаем [,] что здесь есть служат [,] которые были в белой армии [,] и вот [,] если [бы] мы получили документы [,] то мы можем настоять [,] чтобы их уволили [,] на ихнюю место назначили нас...» (1925) [16, с. 33 об.].

Усиливает общественное брожение наличие у бывших солдат революции неудовлетворенного комплекса воздаяния за «усердие геройства». Действительность полностью перечеркивала их ожидания и надежды на лучшую после победы жизнь. Группа бойцов пишет своему бывшему командиру, что они потерялись и растерялись в новой жизни, просят направить их по верному пути, а то некоторые «дрогнули, сомневаются в наших завоеваниях» [16, с. 85]. Они не хотят быть разочарованными, и если спрашивают, как один из бывших красноармейцев, «неужели мы собманули себя», то это выглядит больше как угроза другим. В действительности для их картины мира легче начать искать скрытого действующего (!) врага, который воспользовался их победой и тайно продолжает бороться с ними, чем поставить под сомнение само содержание цели революции и свое участие в войне на стороне красных.

Очень показательны письмо от детей погибшего красноармейца: «Нам очень обидно за то [,] что наш папа погиб [,] и за что он боролся [,] и мы не знаем [,] чево он добивался [:] что мы голые и босые [?]. Как другие черещур дюже много широко живут...» (1926) [16, с. 516]. Как и другое письмо, содержащее ту же идею: «И теперь [,] когда кончились ужасы войны [,] утихли громы пушек и зажили наши раны [,] мы оказались ничтожными людьми, которые на каждом шагу затирают люди [,] не нюхавшие пороху» (1926) [16, с. 103].

Все чаще наблюдается логическая связка между убогим состоянием героя революции и сытой жизнью тех, кто или вовсе не участвовал в революции или воевал на стороне белых. Сыты и частники-нэпманы, но особенные чувства вызывают чиновники разных государственных учреждений. Логика построений, придававших антибюрократическим настроениям оттенок поиска скрытого врага, отражена так: «Я думаю, что, наверное, во власти сидят не наши люди, потому что они на нашего брата плохо обращают внимание» [12, с. 226]. Один из ветеранов надеялся на помощь боевых товарищей, получивших хорошие должности, он многократно обращался к ним, но они ему каждый раз отвечали «приходи завтра». Он усмотрел в этом факт их перерождения под влиянием дружбы с классовыми врагами: «.Им стыдно отказать как старому бойцу [,] но бюрократизм все там пириборювает и отгоняет всю революционную совесть... обидно смотреть на этих лиц [,] которые сидят с распухшими рожами и белокопытными ногами [,] если это дело чисто по-революционному [,] то таковых давно уже настала пора выбросить за борт или к черту [,] туда [,] где мы отогнали Деникина и Врангеля» (1926) [16, с. 36].

Если действительность не подтверждает лозунг народной власти, за который они сражались, значит, у власти — не народ. Впрочем, письма свидетельствуют, что реальные основания для того, чтобы разглядеть в чиновниках врагов, были. Два демобилизованных

красноармейца построили в 1924 г. с разрешения райисполкома водяную мельницу, оформленную как трудовая артель «Совпахарь». Но летом 1926 г. РИК велел им убираться с мельницы по причине отсутствия у них с ним договора и выставил мельницу на аукционные торги. Бывшие красные бойцы жаловались в различные инстанции, на это один из их гонителей сказал: коль вы жаловались в ЦИК, то пусть он вам и дает, а здесь я старше ЦИКа, что решу, то и будет сделано [16, с. 52]. Однако то, что творил товарищ Ковба из ст. Лабинской, просто анекдот. Этот начальник районного собеса ежемесячно отправлял вдове красноармейца повестку, чтобы та

пришла и получила пенсию за убитого в Красной армии мужа, а когда она приходила, он ей говорил, что она — не вдова убитого красноармейца, а жена псаломщика Донскова, расстрелянного в 1918 г. за контрреволюцию, и на этом основании деньги ей не выдавал. Она уходила, но через месяц опять получала бумагу явиться за пенсией, и все повторялось. Товарищ Ковба проделывал этот трюк со многими сельчанами, всех он называл бандитами, документам не верил — «ложные» — и деньги не выдавал. Более того, жалобщикам он говорил: куда хотите, туда и жалуйтесь, вам не поверят, а мне поверят — я член партии; дескать, один уже посылал жалобу в Москву, так ее прислали на рассмотрение на месте. «.. Что я захочу, то с этим гражданином и сделаю, — утверждал товарищ Ковба, — мне Москва выдала декрет такой, кто будет на меня жаловаться, я имею право тех людей отдавать под суд» [11, с. 455 об.].

Похоже, народ готов взять местную власть на вилы. Но она не будь проста, выдвинула вперед иного виновника, мешающего воспользоваться плодами победы. Она предложила опознавать врага не только по поведению нынешнему, а по тому, что он делал и кем был до 1917 г. Всякие кадровые назначения проходят общественную цензуру не только на предмет деловых качеств, но и общественно-политической биографии. Так обеспокоенный ветеран писал, что заведующим сапожной мастерской сделали «белого партизана», который «больше был у белых, чем у красных», а заведующей столовой — жену бывшего палача [15, с. 264 об.]. Бывший красноармеец Новиков из Баталпашинского района делал донос на бывшую жену, что она дворянка, имела раньше «офицерский участок», а ее отец был атаманом; теперь сошлась с красным партизаном, а он липовый партизан. Они — жена и лже-партизан — в свою очередь подали на него заявление в Рабкрин, что он бывший офицер и помещик, но потом оставили более реалистичное обвинение — бывший торговец. Новикову нужна справка из партизанской комиссии, чтобы отбиться от обвинений бывшей жены [14, с. 429 об. — 430].

Год великого перелома... народного настроения. В середине 1920-х гг. факт плена у белых не скрывали. В нем виделось своеобразное достоинство биографии, ведь пленные красноармейцы подвергались жестоким истязаниям. Д. И. Шлятин указал не только оба случая плена, но и описал перенесенные им в плену страдания. Все это было доказательством готовности пойти на муки за революцию и советскую власть. Но уже в 1930 г. бывшие красноармейцы не указали в автобиографии, что были в плену у белых, но в выданной справке Партизанская комиссия посчитала необходимым зафиксировать этот факт, видимо, известный со слов других ветеранов [13, с. 1—2; 15, с. 144—145]. А в 1931 г. то, что не был в плену — такое же достоинство автобиографии, как членство в колхозе с 1920 г.! [15, с. 208].

Год перелома тональности массы писем — очевидно, 1928. Именно тогда в документах фонда появляются первые настоящие доносы, учащаются фразы о скрытых врагах. Экономический контекст трактовки проблем и конфликтов сменяется политическим. Общее настроение передают многие подобные письма: «Но в мирной борьбе наша жизнь оказывается у разбитого корыта в страшной нужде [. Мы —] безработные, а наши враги, бывшие в стане белых, штыки которых не раз были

направлены в наши груди [,] они [с]могли приспособиться к жизни. Заняли теплые места [,] живут припеваючи и в тайне мечтающие о возврате старого». Или: «То, что старым партизанам нет хорошей службы [,] это оттого, что во власти старая контрреволюция» (1928) [11, с. 576, 651]. С 1928 г. все чаще общие стенания о засилье недобитых врагов сменяются указанием конкретных имен. В этот год просто урожай на письма, в которых личные враги и недоброжелатели корреспондентов представлены классовыми врагами. Людей, которые, например, не дают нужную бумагу, свободно именовали «грязненькой оппозицией» или «белым офицером» [11, с. 515—516 ; 15, с. 249].

Люди, довольные жизнью (а такие были), в комиссию письма писали редко. Даже искренние большевики, люди абсолютно преданные идее революции, и те демонстрировали острую форму разочарования: их тяготит рутина, которая совсем не похожа на их мечты, и то, что герои войны забываются. Но в их письмах нет доносов, нет поиска врагов и виновников;

есть одна только тоска. Но затем с 1929—1930 г. полностью меняется характер писем. Во-первых, поток корреспонденции постепенно сокращается. Во-вторых, письма становятся менее откровенными: если раньше писали то, что хотелось самим написать, то теперь авторы писем в большей степени писали то, что хотела услышать от них власть. Часто это совпадало с их теперешними настроениями. Но те, кто думал иначе, замолчали.

Истоки ненависти. Причины социального напряжения, насилия и острого неприятия действительных и мнимых «чужаков» исследователи ищут в процессах разрушения патриархального уклада, в привычке власти и масс к силовому решению всех проблем [2, с. 257]. Конечно, накал классовой борьбы 1917—1920 гг. сформировал определенные стереотипы мышления и поведения. Термин «враги народа» для обозначения тех, кем интересуется революционный трибунал, появился уже в 1919 г. [3; 4]. И тут же получил широкое хождение: командир одной из повстанческих армий Нижнего Поволжья Пятаков в марте 1921 г. называл врагами народа коммунистов, обманувших ожидания трудящихся и учредивших новую деспотию [4, с. 2, 14 об.]. Сложившееся на основе советских лозунгов уподобление себя и власти породило невиданный ранее феномен российского массового сознания — личным врагам присваивался статус врагов системы. Характерная для 1918—1920 гг. вакханалия взаимных арестов среди советских работников и командиров РККА выразилась на страницах протоколов и жалоб в навешивании на недоброжелателей самых страшных ярлыков. Формировалась привычка решать собственные проблемы руками режима.

В первые послевоенные годы власть демонстрировала явное желание ослабить карательный прессинг на общество. В январе 1921 г. ВЧК отвергла «устаревшие методы работы», то есть не рассуждающее насилие, и занялась пересмотром дел ранее осужденных [5, с. 421]. Тяга к доношительству на время почти угасла. Конфликтов не стало меньше, но им не стремились придавать политический оттенок. Вероятно, стоит поискать причины этого не просто в усталости от насилия. Цикличность — универсальное свойство развивающихся систем. Цикл «закладывания основ» закончился выстраиванием иерархии борцов за советскую власть — от рядовых бойцов до вождей. Участники борьбы ожидали увидеть результаты своих усилий.

Человек тяжело расстается со своими иллюзиями, их могильщиком становятся время и сомнения. Как выше отмечалось, год перелома в настроениях приходится на 1928 г. Весьма распространено представление, что это может быть связано с неприятием нэпа эгалитаристски настроенными партийными и беспартийными массами. По материалам этого фонда вывод о влиянии нэпа на усиление настроений классовой ненависти не отвергается, но и не выглядит исчерпывающим. Номенклатурные работники с удовольствием переходят с партийно-советских на хозяйственные должности в тресты и

главки: больше свободы и выше заработок. Некоторые вообще уходят в частные коммерческие структуры! Вариант государственного капитализма их устраивал полностью. Для многих рядовых ветеранов собственное дело — единственный способ при массовой безработице заработать на жизнь: кто-то держит сапожную мастерскую, а кто-то торгует фотокарточками вождя мирового пролетариата.

Ненависть к «буржуям» и «перерожденцам» испытывали преимущественно оттертые от хороших должностей. Но это, как правило, низший маловлиятельный слой общества. В немногочисленных письмах искренних большевиков нападков на нэп как таковой не обнаружено. Не исключено, что сказывалась региональная специфика, ведь Дон, Кубань и Ставрополье были районами с давними рыночными традициями. К 1928 г. закончился цикл «ожидания», надежда увидеть плоды победы истощалась. И в этот год масса уловила знакомый сигнал — прошел первый процесс — так называемое Шахтинское дело.

А кто враг? Письма-рассуждения о внутренних врагах как жанр представлены на протяжении всего периода. Они интересны тем, что дают динамику социального содержания образа врага. 1926 г. — кулацкие сынки и старые товарищи, которые водят с ними дружбу [15, с. 149 об.]. 1928 г. — те, кто имеет работу. По логике одного письма кадетский приспешник тот,

кто имеет работу на железной дороге [9, с. 300]. 1930 г. — начальство, которое обижает работников, а заодно «косо смотрит на Советскую власть» [13, с. 18 об.]. 1931 г. — наши враги: «скользкие партийцы, но большинство мальчишки опьяненные [властью], шпана...» [14, с. 214].

В первые годы работы Партизанской комиссии для получения удостоверения достаточно было написать автобиографию с указанием боев, в которых принимал участие, командиров и сослуживцев, которые могут помнить заявителя. На что один из ветеранов несколько обиженно написал: я не только имена командиров, но и клички командирских лошадей помню. Однако с 1930 г. для получения партизанской книжки нужны еще и сведения, чем человек занимается в настоящий момент, не лишен ли прав [12, с. 484]. Не исключено, что эта новая деталь процедуры установления боевого прошлого вызвала волну писем доносительского содержания. Вот пример из 1928 г.: Георгий Иванович Поляков, брат погибшего замкомполка, сам красный партизан, 1901 г. р., кочует с места на место, нигде долго не задерживается. У него есть враг — Михаил Кузьмич Лукьянов. Похоже, что отношения обострены до того, что этот Лукьянов систематически бьет Полякова. Сам Поляков называет это классовый борьбой. И собирается отомстить, а для этого ему нужен орден Красного Знамени. Образ затесавшегося в ряды партии большевиков предателя он раскручивает по полной программе. «А [к]то сидят [на разных должностях,] тот придатели [...] Я скажу почему он туда залесы [,] наши товарищи поморили [сь] на вайне... Ани етим моментом залезли намиста... нужна и загнать ету свору [,] Ато позалезла в наши списки красных партизан... Кредиты даюца кому [—] придатиям. [...] я ичо пример приведу. Михаил Козмич Лукьянов. Ето самой придатиль наших бойцов [,] и вон в край сибя зарикиминдовал [,] и ему почот и уважение [,] каторева ни тол [ь]ка допускат [ь] да Дарашова да председателя краиисполкома [нельзя], давноба ево нужно повесить... [он] расстрелял двинадцат наших самых наилучших бойцов. он мучил жон наших и ацов и грабил наци хозияцвы [,] и типеря ему почот и уважения...» [10, с. 245—246].

На фоне этих настроений первые процессы против врагов народа и вредителей выглядят давно ожидаемой новостью. И общее собрание красных партизан села Подкущевка радостно выносит резолюцию: «За неустанную работу по борьбе с разного рода контрреволюционными предательскими организациями шлем нашу партизанскую благодарность органам Г. П. У. Всем участникам контрреволюционной организации так

называемой промпартии, как могильщикам нашей кровью добытых Октябрьских завоеваний [...] требуем безусловно — расстрел» (1929) [11, с. 238]. То же чувство катарсиса мы находим и в письме, написанном вскоре после Шахтинского дела (1928): «...И у нас есть [вредительство. — О. М.], но неизвестно, кто будет виноват», — пишет автор и далее излагает факты бесхозяйственности, царящей на его заводе [10; 558—559].

Масса начинает бдительно следить, «как бы не пролез чуждый элемент», и возмущаться, что «много и многие сидят в советском аппарате таких лиц, которых давно надо гнать в шею, и за них только на бумаге пишут и больше ничего с ними не делают»(1930) [12, с. 398; 13, с. 432].

Коллективизация и террор. Если массы используют преимущественно понятие «предатель», то власть оперирует термином «кулак». Для того чтобы оказаться в списке кулаков, можно владеть сломанной молотилкой или когда-то заниматься торговлей, а долг по сельхозналогу это вообще государственное преступление [10, с. 64; 15, с. 498]. Кулацким называли любое имущество, сокрытое от налогообложения. В кооперативной политике на селе все 1920-е гг. — сплошной разброд и законотворчество масс. Мотивы, по которым люди готовы были вступать в колхозы до начала курса на коллективизацию, явно не предрасполагали к успешной работе. Объединялись неимущие в надежде не просто вместе, а с посторонней помощью — государства или могущественных шефов — поправить свои дела. Просьбу помочь вступить в сельхозкоммуну часто сопровождает такая мотивировка: «я человек семейный, не имея ничего, ... стремлюсь более в обществе» [9, с. 287]. То есть коллективные хозяйства начального периода были объединениями «неимущих» [9, с. 315—316], как они

себя называли. Неслучайно на Дону и Кубани было много «именных» хозяйств — имени Буденного, Ворошилова, Жлобы, Ковтюха, Ивана Книги. Визиты гостей проходили в мажорной атмосфере. Шеф раздавал беднякам, состоящим в коллективе, лошадей, железные плуги и сеялки, «беднота [...] взрадовалась [...] кабы еще раз приехал тов. Жлоба [...] а буржуй пузы попритрусил [...] уши опустили. Беднота растет на всю» [10, с. 251]. Но справный сельский хозяин шел в колхозы неохотно. Да и как было идти, если случались такие вещи. Бывший красный партизан внес в качестве пая в ТОЗ «Лихой красный партизан» единственную свою лошадь, но председатель «перекредитовался», и теперь их «конями ликвидкомиссия покрывает госкредит» [10, с. 555]. Ведь до объявления курса на коллективизацию фискальная политика государства не делала различия между единоличниками и артелями. Коллективное имущество могли так же конфисковать за долги, как и частное.

Вот что думал по этому поводу селькор М. Г. Тепериков в 1928 г. В связи с тем, что в предыдущие три года случился недород, и хозяйства не в состоянии выплачивать долги по векселям, он предложил отсрочить все виды кредита до урожая 1928 г. Далее он выдвинул другую плодотворную идею. Если не предъявлять векселя коллективов к взысканию, а старые кредиты зачислять в новые, то таким образом можно привлечь бедняков в коллективные хозяйства [10, с. 303]. То есть показать крестьянам, где их не тронет фининспектор и уполномоченный по сбору единого сельхозналога, где их не только не арестуют за неуплату, но дадут еще денег. Переход к сплошной коллективизации первоначально не встретил поддержки у многих ветеранов. Они связывали надежду встать на ноги с индивидуальным хозяйством. А. А. Полянский из с. Песчанокосского писал, что его теперь считают не красным партизаном, а «бандитом» за то, что он не записывается в колхоз (1930 г.). И сокрушенно резюмирует: «Пропали наши завоевания Октября» [13, с. 58]. Оказалось, что скрытыми белогвардейцами крестьянам Дона и Кубани первоначально казались те, кто осуществлял левацкую политику в области

сельского хозяйства. В. Булдаков также заметил, что в письмах наверх колхозники слезно просили инстанции снизить спущенные сверху нормы урожайности и налоговые ставки и тут же разоблачали «вредителей» и «врагов народа» [2, с. 282].

Однако постепенно большинство приспособилось к новой линии партии, найдя и в этом преимущества. Показательным является пример Е. С. Руденко из колхоза «Буревестник». Весной 1929 г. он не решался вступать в колхоз. Но после вызова в сельсовет и угрозы Соловками записался и отработал весенний сезон. Но после окончания сева оплата труда была начислена так несправедливо, что из колхоза вышло 32 семьи. Вышедшим из колхоза не отдали ни одной десятины засеянных при их участии полей. Как прожил Руденко следующие два года, неизвестно, но в 1931 г. он вновь член колхоза и яростно протестует против идеи о сдельной оплате труда в колхозе, потому что это «гибель» для его семьи из 8 душ, и никто, кроме него, работать не может [12, с. 281 об.; 14, с. 426]. Он называет своих врагов: «белопогонная свора, замаскировавшихся советским человеком» и «молодежь, которая считает себя за человека» (1931) [14, с. 426]. Это те члены колхоза, которые предлагают ввести сдельную оплату труда. В свое оправдание он пишет, что белые семью его пороли, поэтому они сами работать не могут, «позалазили в партию бывшие денщики офицерские. и они теперь мне делают отвод» [16, с. 471]. Удивительно быстро поменялся строй мысли человека: два года назад он — крестьянин со здоровой ориентацией на труд, теперь люмпен с иждивенческими настроениями. Методы, которыми это было достигнуто, требуют особого освещения.

Раскулачивание проходило так, что трудно было ожидать спокойной реакции крестьянства. Например, зимой под вечер на подворье являются два малознакомых мужика, сбивают замок на сарае и собираются уводить лошадь. Естественную реакцию хозяина называют вооруженным сопротивлением властям (он выскочил из дома с ножом, которым только что резал свеклу), и тот оказывается под судом. Конфискации подлежали не только дома и обстановка, но и носильное платье и обувь! [12; 471]. Во время раскулачивания одного бывшего

красного партизана увидели, что на нем хороший тулуп и брюки, сняли и забрали и их [13; 61 об.]. Один год лишения свободы и 5 лет высылки с конфискацией получил другой ветеран за то, что зарезал двух принадлежащих ему свиней. Обвинение — спекуляция [12; 471].

В это время органы ОГПУ и суды далеко не простаивали. В годы нэпа чаще всего их клиентура состояла из обвиненных по экономическим статьям. Среди них была большая доля участников Гражданской войны, ведь именно их в первую очередь выдвигали на хозяйственные посты, где они или по неопытности или по злему умыслу совершали нарушения. Основанием для самых жестких наказаний вплоть до расстрела были чисто административно-хозяйственные преступления. Никакие революционные заслуги и дореволюционный партийный стаж в зачет не шли. Так, старый большевик «Искра» Гаджиян был расстрелян в 1926 г. за вопиющее многолетнее самоуправство в с. Чалтырь под Ростовом-на-Дону.

«На почве личной неприязни...» Немилосердность власти манила жаждавших мщения соблазном доноса. Основанием для него были чаще всего личные счеты. Например, некий П.Ф. Тимошенко в течение нескольких лет безуспешно добивался награждения орденом Красного Знамени; озлобившись, он стал распускать грязные слухи о бывших командирах, не поддерживавших его ходатайство, и писал доносы на тех, которым орден дали, но, по его мнению, незаслуженно [15; 182].

Главный адресат писем из этого фонда — Д. П. Жлоба, красный командир, герой войны, фигура, популярная на Кубани и Северном Кавказе в целом. Как известно, он был репрессирован. Вопрос о том, за что его в действительности арестовали в 1937 г., менее

интересен, чем вопрос, почему он был демобилизован из армии в 1923 г., и чем объяснить то, что он был оттеснен из первых рядов героев Гражданской войны. Тот, кто знаком с его фронтовой биографией, усмотрит причину в поражении 13-й армии, в которую входил корпус Жлобы, летом 1920 г. в боях против Врангеля. Но для других командиров, также разбитых Слащевым под Мелитополем, это не имело таких последствий.

На основе фактов, обнаруженных в архиве Партизанской комиссии, можно сделать предположение, что зародыш конфликта, разрешившегося в 1937 г., возник в ходе боев под Цари-цыным. Неожиданный удар Стальной дивизии Жлобы в спину белым спас осенью 1918 г. Царицын от падения. Жлобинцев ждал настоящий триумф. Но вскоре после блестящей победы и не менее блестящего чествования командира Стальной дивизии отзывают, а командование его частями берут на себя попеременно Думенко, Буденный, Ворошилов. Но при новых командирах начинаются неудачи, на что бойцы бурно реагируют. Вот описание участника и очевидца: «Жлобы не стало. а у нас стал командовать тов. Ворошилов; не помню в каком хуторе на позиции бросились пехотинцы в панику, где Ворошилов стуча [л] в грудь себя и кричал, я ваш командир X армии, ему в упрек отвечал наш пулеметчик, даешь Жлобу, батьку нашего, и там застрелилось 7 чел. от паники в присутствии Ворошилова» [14; 145 об.].

Или второе воспоминание о тех же событиях: «Неудачное наступление со Стальной дивизией и командование тов. Ворошилова нас привело в возмущение. Как ни наступление [,] так мы [,] жлобинцы [,] терпим поражение в то время [,] когда мы всегда побеждали противника. И вот... бросаем фронт и идем выручать своего незаменимого командира тов. Жлоба. 1-й бой приняли со своими Чека [,] чикнули Чека и пошли дальше...» [10; 135].

Как легко понять, такое не забывается и не прощается. Отношения с Ворошиловым с тех пор были сложными. Членами комиссии, занимавшейся расследованием поражения под Верхнетокмаком, были Р. Землячка, Г. Бокий и К. Ворошилов. Давний недоброжелатель мог повлиять на решение об отстранении Жлобы от командования Сводным конным корпусом. Затем ему не нашлось места в армии. 2 июня 1926 г. бывший красный командир Д. П. Жлоба, популярный на Кубани как в годы Гражданской войны, так и теперь, получил от своего заместителя записку следующего содержания: «Нусиниха арестовала Белова [,] от Усова отобрали подписку о невыезде из Краснодара и ищут какой-то материал на Вас и Шапове-

ленка [зам. Жлобы в Ростове. — О. М.], какой-то, приехал из Ростова Ваш заместитель, и он копает, это Усов прибежал ко мне и сообщил, а сам он дрейфит» [15, с. 79]. Что стоит за этим, неизвестно. Были ли основания для страха, или это опыт говорил им, что в таких случаях даже невинному трудно оправдаться? Но тогда все сошло благополучно.

А в 1928 г. Жлоба был смещен с поста председателя Севкавказхозобъединения и жил в станице Павловской. Причины опалы связаны с обследованием колхозов Северокавказского края, проведенного из-за того, что весной 1928 г. план хлебазаготовок был сорван. Особенно безрадостная картина открылась проверяющим в Кубанском округе. Окружком встретил критику в штыки, тем более что за ней последовали «оргвыводы» [12, с. 576, 651]. За непонимание линии партии в деревне было снято несколько должностных лиц. К лету следующего года ему подобрана новая хозяйственная должность главы Плавстроя, организации по созданию рисовых чеков на месте кубанских плавней, и до 1937 г. он жил достаточно благополучной жизнью руководителя предприятия краевого уровня. Но когда началась кампания всеобщего доноительства, он принял в ней участие. Со слов болгарской коммунистки Баласки Добриевны Ерыгиной известно, что донос на 1-го секретаря Краснодарского ГК ВКП (б), бывшего лидера комсомола Оскара Рывкина написал его сосед по дому Жлоба. А в апреле 1937 г. во время

командировки в Москву был арестован и сам Жлоба как «главный организатор и командир повстанцев на Кубани», готовящих свержение советской власти.

Искомый результат. Гражданская война приучила людей видеть в соседе врага, трудноразличимого, маскирующегося, оттого еще более опасного. Бывшая красноармейка Мальцева готова стать источником достовернейшей информации о соседях: «Я живу сейчас пододной крышей изконтррволюценерами [,] нонимогу сними бороца [,] потому что нет никаких справок [,] ище добавлю [,] что если пришлети [,] то я вам много кой [—] чиво буду сообщать» (1931) [17, с. 98]. Донос можно рассматривать как специфическую форму проявления гражданского чувства. Такая масса, как «тов. Мальцева», всерьез полагала, что таким образом она восстанавливает утерянную было связь с властью. Бывшие красноармейцы поддерживают линию партии на уничтожение «спекулянта, единоличника, нэпмана», приветствуют, что «наши тузы, бывшие в рядах с нами Красной армии [,] не спят, ведут конец... буржуизму в республике...» (1930) [13, с. 378]. Они, с одной стороны, приветствуют борьбу с контрреволюцией, но с другой — не заблуждаются по поводу собственной безопасности.

Общая тенденция в настроениях бывших бойцов революции в 1920-е — начале 1930-х гг. такова: советская действительность разочаровала их и материально, и идейно. Взрывоопасность общественных настроений к концу первого десятилетия социалистической революции не вызывает никаких сомнений. Вопрос: почему импульс недовольства оказался направлен не на власть, почему ей так легко удалось перенаправить его в иное русло. Да, этому способствовало подавление колеблющихся и выдвижение новых заманчивых лозунгов. Социально активные слои, среди которых наиболее сплоченными были бывшие красноармейцы, приняли правительственную версию причин обманутых надежд. Связано это, как кажется, не только с социальными предпочтениями, но и с психологическими механизмами сознания: сознаться перед самим собой, что такие мощные усилия были положены за ущербную идею, очень тяжело. Как доказывают документы, те, кто приходил к этой мысли, находились на грани самоубийства. Инстинкт самосохранения не давал ветеранам войны перечеркнуть главное событие их жизни, поставить под сомнение сделанный выбор. Это справедливо по отношению к людям с высокой степенью саморефлексии; кстати, таких было немало среди командного состава РККА и рядовых. Остальные жили, мыслили и чувствовали патриархальными категориями: обособление, недоверие, эгоизм. При этом ожесточенно винули всякого рода «чужих» и изобретательно искали каналы контакта с «родной властью». Не удивительно, что власть предложила силовое решение вопроса, назвав имя новой преграды на пути к великой цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авторханов, А. Г. Технология власти / А. Г. Авторханов // Вопросы истории. 1991. № 6—8, 12; 1992. № 2—3.
2. Булдаков, В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. Булдаков. М., 1997.
3. Государственный архив Волгоградской области (далее — ГАВО). Ф. 2534 (Усть-Медведицкий ревком). Оп. 1. Д. 1 — Документы Усть-Медведицкого ревкома. 1919 г.
4. ГАВО. Ф. 6611 (Антисоветские органы и движения). Оп. 2 с. Д. 1 — Материалы о контрреволюционном восстании в Старо-Полтавском р-не.
5. Данилов, В. П. Истоки и начало деревенской трагедии: вступ. ст. / В. П. Данилов // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 1. М., 1999.
6. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917—1921 гг.). М., 1958. С. 421.

7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 1. М., 1999.
8. Хлевнюк, О. В. Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы / О. В. Хлевнюк. М., 1996.
9. Центр документации новейшей истории Ростовской обл. (далее — ЦДНИРО). Ф. 7 (Северокавказский крайком ВКП (б)). Оп. 1. Д. 678 — Протоколы заседаний бюро крайкома ВКП(б). 1928 г.
10. ЦДНИРО. Ф. 912 (Личный фонд командира Стальной дивизии Д.П. Жлобы). Оп. 1. Д. 4 — Письма и заявления на имя члена Северокавказской партизанской комиссии Д. П. Жлобы. 1927 г.
11. ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 5 — Письма и заявления на имя члена Северокавказской партизанской комиссии Д. П. Жлобы. 1928 г.
12. ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 6 — Письма и заявления на имя члена Северокавказской партизанской комиссии Д. П. Жлобы. 1929—1930 гг.
13. ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 7 — Письма и заявления на имя члена Северокавказской партизанской комиссии Д. П. Жлобы. 1930 г. (ч. 1).
14. ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 8 — Письма и заявления на имя члена Северокавказской партизанской комиссии Д. П. Жлобы. 1930 г. (ч. 2).
15. ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 9 — Письма и заявления на имя члена Северокавказской партизанской комиссии Д. П. Жлобы. 1931 г.
16. ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 10 — Письма и заявления на имя члена Северокавказской партизанской комиссии Д. П. Жлобы. 1926 г.
17. ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 11 — Письма и заявления на имя члена Северокавказской партизанской комиссии Д. П. Жлобы. 1932 г..
18. ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 12 — Письма и заявления на имя члена Северокавказской партизанской комиссии Д. П. Жлобы. 1931 г.

SUMMARY

The attitude of veterans, participated in revolution, toward the situation in post-revolutionary Russia had changed in the late 1920th — early 1930th. In their letters to the athorities, they express profound disappointment in results of thier fight. This historic documents reflect the strong dissatisfaction, gradually developing to mass paranoia. The authors of these letters suggest the authorities various plans of action, which capable, in their opinion, to correct the situation in the country. They are looking for those who responsible in their own closer circles and lower levels of bureaucracy, i.e. who they contact directly. Veterans still don't doubt slogans they were fighting for, but look for those who deliberately put obstacles in the way of building the new life. Veterans consider themselves as goverment's assistants on the new stage of their fight. This tendency had become apparent before the beginning of mass repressions and paved the way for positive acceptance of the new political line, which was assumed as a response to veteran's requests. Veterans didn't doubt decisions they made in 1918, but decided to choose traditional method of contrevolutionary fight. Everyone could be named a contrevolutioner: an official who didn't comply whith a request, a competitor in getting a job, a personal enemy or a bad neighbor. The situation satisfied the goverment, because it released it from being responsible for all the problems that the country faced.